

МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ ДИНАМИКА ЭВФЕМИЗМОВ: РУССКИЙ И УЗБЕКСКИЙ ЯЗЫКИ

Е.А. Саттарова

д.ф.ф.н., доцент

Термезского университета экономики и сервиса

Термез, Узбекистан

elenabereza76@gmail.com

DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.18100578>

***Аннотация.** В статье рассматривается эволюция эвфемизмов в русском и узбекском языках. Особое внимание уделяется теоретическим аспектам измерения и типологизации эвфемистического значения в контексте современной лингвистики. Исследование опирается на сравнительный анализ классификаций, предложенных зарубежными, российскими и узбекскими учеными.*

***Ключевые слова:** эвфемизм, эволюция эвфемизмов, типология эвфемистического значения, дисфемизм, табу, паралингвистика.*

Эвфемизмы являются комплексным и многоплановым явлением, что обуславливает вариативность их трактовок в лингвистической науке. Разнообразие исследовательских подходов к эвфемистическим заменам определяется избирательностью анализируемых аспектов. В данной статье акцентируется внимание на исследовании эволюции эвфемистического значения, а также на параметрах и объеме типологии эвфемизмов в современной лингвистике русского и узбекского языков, с учетом национально-культурного менталитета и традиций этих народов.

Эвфемизация, как процесс замены потенциально грубых, неприличных или нетактичных выражений стилистически нейтральными, становится социальной необходимостью для смягчения и обогащения языка. Эвфемизм определяется как нейтральное слово или описательное выражение, используемое для замещения неприемлемых лексических единиц [15].

Для всестороннего понимания эвфемистического значения в современной лингвистике критически важным является изучение его эволюции и типологии. Несмотря на то, что тема эвфемизмов долгое время оставалась недостаточно разработанной в русистике и узбекской лингвистике, в речевой практике носителей этих языков сформировалась устойчивая система эвфемистических предпочтений [8].

Генезис эвфемизмов связан с необходимостью иносказательной номинации тем, которые с древнейших времен воспринимались как запретные или сакральные. Лингвистическое исследование эвфемизмов началось в конце XIX века (Запад), получив развитие в России после революции и в Узбекистане с 1960-х годов. В настоящее время эвфемистические выражения активно

функционируют во всех общественно значимых сферах обеих языковых культур [9].

Б.А. Ларин [5] связывал возникновение древнейших эвфемизмов с первобытными суевериями и табу – запретами на прямое наименование, обусловленными страхом перед магическим воздействием слова. А.А. Реформатский [7, с. 99] также акцентировал внимание на этой связи, определяя эвфемизмы как «замененные, разрешенные слова», используемые вместо табуированных. Табу, полинезийского происхождения [11, с. 629; 2, с. 10], в своей основе имеет представление о защите от сверхъестественных сил посредством сокрытия или смягчения именовании [5, с. 101-102]. Таким образом, современная лингвистика единодушно признает тесную взаимосвязь между явлениями табу и эвфемизма. Слово «табу» имеет полинезийское происхождение и проникло в европейские языки в конце 18 века. Табу в первобытном обществе – это запрет, налагаемый на какое-нибудь действие, слово, предмет, употребление или упоминание которых неминуемо карается сверхъестественной силой [11, с. 629]. Первоначально это слово обозначало «отдаленный», «удаленный прочь» [2, с. 10].

Таким образом, теперь на эвфемизмы взглянули уже с высоты строго научного знания. Изучая разные теоретические источники, можно сделать вывод о том, что традиционно учёные рассматривают табу и эвфемизм как два тесно связанных между собой явления.

Анализ осмысления понятия «эвфемизм» выявляет эволюцию лингвистических идей и характерные тенденции развития науки. В зарубежной, российской и узбекской лингвистике прослеживается закономерное сужение исследовательского фокуса от общих теоретических проблем к частным вопросам. Эволюция эвфемистического смысла в толковании термина «эвфемизм» прошла путь от экстралингвистического к лингвистическому подходу, с последующей интеграцией обоих, что подтверждается диссертационным исследованием Л.М. Арменто Морено [12]. Основная коммуникативная функция эвфемизмов – предотвращение конфликтов и коммуникативных неудач. В отличие от них, дисфемизмы (от греч. *dysphēmía* «дурнословие») – это грубые, вульгарные или неприличные выражения, негативно влияющие на достижение коммуникативных задач [3, с. 105]. Эвфемизмы и дисфемизмы демонстрируют противоположные прагматические функции в речевых актах. Дисфемизм определяется как сознательное огрубление речи, направленное на выражение негативной оценки или сильного недовольства [3, с. 105].

В лингвистической литературе эвфемизм трактуется как слово или выражение, используемое для замещения другого, которое по тем или иным причинам является неудобным или нежелательным для произнесения [10, с. 5]. Аналогичное понимание представлено в узбекской лингвистике: А.Ж. Омонтурдиев определяет эвфемизм как корректную замену нежелательных или грубых выражений с целью предотвращения негативных реакций и маскировки определенных реалий [6]. Н. Исмааттуллаев ранее отмечал функциональное значение эвфемизмов как средства культурной речи и двигателя речевого развития [1].

Следует отметить, что все определения и классификации схожи и обозначают эвфемизм как нейтральное по смыслу выражение, используемое для замены лексем, считающихся неприличными или нетактичными. Ученые лингвисты называют такие основные принципы функционирования эвфемизмов, как камуфлированные, вуалированные предметы сообщения с целью смягчения денотата. Этим понятиям придерживаются как ученые русисты, так и узбекские ученые. Например, такие слова, как рус. «обездоленный, сиротиночка, сиротинушка, безматок, сирый, одинокий, брошечка, лишенный(ая) любви матери» эвфемизмы, называющие детей-сирот; узб. «*gul yetim* (одинокий цветок), *yodgor, qadrcha* (память), *kimsasiz* (одинокие), *ko'ngli yarim* (обделенный душой), *mehrga zor* (нуждающийся в любви), *muhabbat mevalari* (плоды любви), *ona mehrga to'ymagan* (не насытился материнской любви), *ota-onasi yo'q* (нет родителей), *tutqin qo'zi* (ягненок в плену), *qalbi o'ksik* (с разбитым сердцем)» эвфемизмы, используемые в узбекском языке, заменяя слово *etim* (сирота).

Изучение эволюции эвфемистического значения является сложной задачей, требующей дальнейшего научного обоснования, поскольку, как отмечал [13], концепция «примитивного языка» не поддается эмпирической верификации.

Эвфемизмы возникают из необходимости иносказательной номинации тем, которые исторически считались запретными, сакральными или деликатными. В настоящее время эвфемистические выражения активно функционируют во всех общественно значимых сферах русской и узбекской языковых культур [9].

Генезис эвфемизмов тесно связан с явлением табу. Б.А. Ларин [5] связывал их появление с первобытными суевериями и запретами на прямое наименование, обусловленными страхом перед магическим воздействием слова. А.А. Реформатский [7, с. 99] также акцентировал внимание на этой связи, определяя эвфемизмы как «замененные, разрешенные слова», используемые вместо табуированных.

Анализ эвфемистических практик в русском и узбекском языках демонстрирует их адаптацию к социокультурным изменениям: социальная иерархия: исторические обозначения подчиненного статуса (рус. «слуга, раб»; узб. «qul, mardikor») претерпели изменения или были замещены, тогда как некоторые термины, например, узб. «хо'jaуin», сохраняют свои коннотации; политические лидеры: архаичные титулы (рус. «царь, Ваше Высочество»; узб. «podshohi olam, sulton») уступили место современным эвфемизмам (рус. «глава государства»; узб. «yurtboshi, elboshi») применительно к президенту; социальная элита: для обозначения высших слоев общества использовались эвфемизмы (рус. «аристократ, дворянин»; узб. «oqsuyak, eshon, хо'ja, zodagon»), причем ряд узбекских терминов сохраняет свою актуальность; религиозный дискурс: для избегания прямого наименования священных фигур активно используются эвфемизмы, такие как рус. «Агнец Божий, Спаситель» для Иисуса Христа, и узб. «Sarvari olam, Rasul alayhissalom, ikki dunyo charog'i» для Пророка Мухаммада.

Свойственно узбекскому национально-культурному менталитету вместо наименований по отношению к обращению к родителям *padar* (отец), *padari buzruk* (отец), *qiblagoh* (нет перевода), *ka'ba* (нет перевода), *valida* (мать), *validai mehribon*, *validai mushfiq*, *validai munis*, *validai aziza* (мать всего рода), в русском языке *родимые, мама, матушка, мамочка, мамулечка, родительница, папа, родитель, папочка, папулечка, родимый батюшка; учитель, учитель, мастер, наставник, просветитель* в русском языке, *domla, ustoz, tualim* и т. д. используются вместо обращения к учителю в узбекском языке. Таким образом, можно отметить, что эвфемистические средства выражения в языке народа сохранились особенности речевого поведения феодального общества; или что эвфемизмы, используемые в именах нынешних президентов, таких как *Yurtboshi, Elboshi, Turkmenboshi (Otaturk ham shunday qo'yilgan)*, в зависимости от национального языка или поведения членов капиталистического или социалистического общества – не приводит читателя к решению реальности. Это связано с тем, что для комплексного изучения эволюции табу и эвфемизмов путем их привязки к стадиям языкового развития требуется, прежде всего, изучение языков племен, народов, наций и их способов поведения. Комплексное изучение эволюции табу и эвфемизмов на различных этапах языкового развития предполагает анализ лингвистических и социокультурных особенностей племенных, народных и национальных языков. Однако эта область исследований остается недостаточно разработанной. Имеющиеся данные ограничиваются общими выводами, основанными на анализе социальных формаций [7, с. 499], что не позволяет провести

полноценное диахроническое исследование эволюции табу и эвфемизмов. Недостаток источников также препятствует реконструкции грамматических систем и выявлению этноспецифических особенностей речевого пласта. В результате возникают значительные трудности в систематизации, типологизации и определении критериев эвфемизации речи применительно к конкретным этнокультурным контекстам.

Отмечается, что сохранение самобытных традиций и обычаев в русской и узбекской культурах, передаваемых из поколения в поколение, способствует формированию взаимного уважения в коммуникации. Это уважение является ключевым фактором духовного развития общества, обеспечивающим ценностные ориентиры для конструктивного взаимодействия между представителями различных культур и вероисповеданий. Язык, в свою очередь, служит основным инструментом выражения и сохранения этих социокультурных ценностей.

Данные концепции важны при изучении эволюции эвфемизма (подробнее об этом позже). Выявление различий между религиозными и светскими концепциями эвфемизмов значительно затрудняло процесс, потому что фактически эвфемизм, который изначально был основан на религиозных взглядах, стал светским в более позднем развитии языка, а его прежнее значение стало неясным и незаметным. Например, такая ситуация наблюдается в эвфемизмах узбекского языка «*vafot etdi, qazo qildi, uzildi, o'tdi*» (досл. *умер, скончался, ушел*). Однако стало трудно различать религиозные и светские эвфемизмы в русском языке. Потому что на самом деле эвфемизм, рожденный на основе религиозных взглядов, становится секулярным в более позднем развитии языка, а его прежнее значение становится незаметным, например, в русских эвфемизмах «*скончался, ушёл, покинул он умер, умер, отрезан, скончался*».

В связи со сказанным, следует отметить, что русский и узбекский народы сумели возродить и сохранить многие самобытные традиции, обычаи, воззрения, на которых воспитывалось не одно поколение. Уважение друг к другу при коммуникации становится основополагающим стержнем духовного развития общества, выделяющим те ценности, которые позволяют людям вне зависимости от их происхождения, вероисповедания и их самоидентификации с той или иной культурой решать взаимовыгодные вопросы. Все это проявляется и выражается посредством языка.

Литература

1. Исматуллаев Н. Ҳозирги ўзбек тилида эвфемизмлар. – ТошДПИнинг “Илмий асарлар”и, 42-т., 1-китоб. – 1993. – 819 б.
2. Кацев А.М. Языковое табу и Эвфемия. – Л.: 1988. – 68 с.
3. Ковшова М.Л. Семантика и прагматика эвфемизмов // Краткий тематический словарь современных русских эвфемизмов. – М.: Гнозис, 2007. – 249 с.
4. Крысин Л.П. Русское слово, своё и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 34.
5. Ларин Б.А. Об эвфемизмах // История русского языка и общее языкознание. – М.: 1977. – 110 с.
6. Омонтурдиев А. Ўзбек нутукнинг эвфемик асослари. – Т.: А. Қодирий номидаги халқ мероси нашриёти. – 2000. – 17 б.
7. Реформатский А.А. Введение в языковедение. – М.: МГУ, 1967. – 148 с.
8. Саттарова Е.А. Гендерно-вежливые эвфемизмы лингвокультурологического концепта “женщина” в русском и узбекском языках // Theoretical & Applied Science / International Scientific Journal, 2020. – С. 39-42. Impact Factor: SOI: 1.1/TAS DOI: 10.15863/TAS
9. Саттарова Е.А. Несовместимость эвфемизмов русского и узбекского языков как основное препятствие для лингвокультурологического сопоставления / Проблемы современной науки образования № 7 (152) – Российский Impact Factor: 1,72, 2020 – УДК 81-25. DOI: 10.24411/2304-2338-2020-10703. – С. 63-68.
10. Сеничкина Е.П. Эвфемизмы русского языка: спец.курс: учеб. пособие. – М.: Высшая школа, 2006. – С. 5.
11. Толковый словарь русского языка: Ок. 100000 слов, терминов и фразеологических выражений /С.И. Ожегов. Под ред. проф. Л.И. Скворцова. – 27-е изд., испр. – М.: «Мир и Образование», 2013. – 800 с.
12. Moreno L. M. A. La interdicción lingüística: estrategias del lenguaje políticamente correcto en textos legales educativos selección de leyes educativas (1986-2006). – Cáceres, 2009. – 744 p.
13. Шарль де Броссе. Первобытный язык. – Париж, 1871. – С.19-27.
14. <https://ru.wikipedia.org/wiki/Эвфемизм>